

**БЫЛ ЛИ ПРАВ А.С. ИЗГОЕВ? К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ
И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ РОССИЙСКОГО ДОРЕВО-
ЛЮЦИОННОГО СТУДЕНЧЕСТВА**

А.Е. Иванов

Автор доказывает, что в знаменитом сборнике «Вехи» был представлен ложный политический портрет русского студенчества. Это было связано как с эмоциональным шоком известного либерального публициста А.С. Изгоева от неудачных последствий Первой русской революции, так и ложной интерпретацией известных социологических обследований студенчества. В статье показано, что российское студенчество было куда более многообразным по своему социокультурному облику и политическим ориентациям.

Ключевые слова: студенчество, интеллигенция, демократия, радикализм, революция, консерватизм, молодёжная субкультура, сборник «Вехи».

Вопрос об истоках российского радикализма всегда волновал отечественную общественность. Особенно усилился интерес к этой проблеме после Первой русской революции. Знаменитая статья Изгоева «Об интеллигентной молодежи» («Заметки об её быте и настроениях») была опубликована в 1909 г. в знаменитом сборнике «Вехи». Участвовавшие в нём авторы – известнейшие в кругу либеральной общественности мыслители – устроили настоящий моральный суд над революционно-демократической интеллигенцией. Ей инкриминировалось то, что, будучи «нервами и мозгом» инспирированной ею революции 1905–1907 гг., она после обнародования «увенчавшего здание» империи Манифеста 17 октября продолжала разжигать «разрушительные» инстинкты масс. При этом игнорировалось, что «политическая революция» уже завершена и наступило время мирного (при неременном сотрудничестве с властью) насаждения на политической ниве императорской России декларированных высочайшим Манифестом демократических свобод. Следствием такой политической безответственности, считали веховцы, явился пресловутый третьеиюньский политический режим, надолго отложивший «дело свободы» в Российской империи.

Вполне логичным поэтому представлялось привлечение именно студенчества в качестве одного из главных «обвиняемых» к затеянному авторами «Вех» «историческому суду над интеллигенцией». Ведь именно учащая молодёжь с февраля 1899 г. начала «свою революцию» посредством всероссийских забастовок на академическом пространстве высшей школы против якобы утвердившегося там полицейско-бюрократического режима. Эти забастовки и стали детонатором первой русской революции. Открыв в сентябре 1905 г. (после самой продолжительной – с января – очередной забастовки) помещения университетов и институтов для все-

народных противоправительственных митингов, студенчество тем самым приблизило кульминацию революции. Помимо того студенты и сами преподали революционно-демократическим силам наглядный пример корпоративного парламентаризма: тайным голосованием по партийным спискам прошли выборы так называемых представительных центральных коалиционных органов студенческого самоуправления в вузах. Эти студенческие «мини-парламенты» в период революционного кризиса во многом определяли строй академической и политической жизни университетов и институтов¹.

События в высшей школе осени 1905 г. способствовали созданию в стране такой политической ситуации, которая привела к судьбоносной в либеральном понимании уступке самодержавной власти в виде «конституции» 17 октября 1905 г. В этом достижении революции веховцы признали неоспоримую заслугу русской интеллигенции, включая её ударный антисамодержавный отряд – студенчество. Вместе с тем «теневой стороной» политического поведения студенчества в этом «поворотном пункте» революционной борьбы авторы «Вех» считали его активное сочувствие продолжению социальной революции, приведшей к декабрьскому вооруженному восстанию, и оказание ему посильной поддержки.

Так или иначе, студенчество вполне подпадало под «статьи» стандартных веховских обвинений, предъявляемых демократической интеллигенции. В их числе было «революционное верхоглядство» как следствие космополитической приверженности к чужеродным, вызревшим в Европе левым социалистическим воззрениям; максимализм целей и средств в ходе политической борьбы с властью; поощрение масс к анархическим бунтам на почве «народопоклонства», «безрелигиозности», антикапитализма; а главное – «неспособность к созидательному государственному творчеству». Более того, Изгоев как главный обвинитель студенчества был уверен, что эти «родимые пятна» политической «левизны» демократической интеллигенции в значительной мере были predeterminedены социальной генетикой интеллигентной молодёжи. Они становились более контрастными под воздействием молодёжного темперамента с его характерным максималистским стремлением достигнуть всего и сразу. Отсюда автор статьи сделал императивный вывод: «Студенчество – квинтэссенция интеллигенции»².

Отталкиваясь от этого тезиса, А.С. Изгоев пытался развенчать сложившийся в «прогрессивных кругах» рубежа веков «героический образ» студенчества как сознательного борца с самодержавной властью. Словно опытный прокурор на судебном процессе, он опутывает читателя паутиной своих размышлений о социально-генетических предпосылках «пороков» и «грехов» русской интеллигенции. Их изначальную природу он связывал с формирующими личность молодого интеллигента годами семейного воспитания и учёбы в средней школе. Он начисто отрицал влияние семьи на положительное духовное формирование юношества, безапелляционно отвергая «истинную связь между родителями и детьми», а за отсутствием таковой – и «видейную преемственность» отцов и детей. «У русской интеллигенции, – утверждал он, – семьи нет. Наши дети воспитательного влияния семьи не знают, в крепких традициях не почерпывают огромной силы, которая выковывает,

¹ См.: *Иванов А.Е.* Демократическое студенчество в революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. № 107. М., 1982. С. 204–218.

² *Изгоев А.С.* Об интеллигентной молодёжи (заметки об её быте и настроениях) // Вехи. Интеллигенция в России. 1909–1910. М., 1991. С. 207.

например, идейных вождей английского народа»³. Такого рода публицистические реминисценции рождались на основании данных всего одной «половой переписи» студентов Московского университета, проведённой в 1903/1904 уч.г., но опубликованной в 1909 г. – тогда, когда в высшие учебные заведения пришло новое поколение студентов с заметно изменившимся образом мысли и социальными установками. А.С. Изгоев весьма произвольно интерпретировал данные этого социопроса, утверждая: «По меньшей мере половина студентов удостоверили отсутствие всякой духовной связи с семьёй»⁴. Увы, не обошлось без передергивания статистических сведений. Согласно переписным данным, 63 % респондентов, напротив, удостоверили духовное родство с родителями и «воспитывавшими лицами» в детстве и школьные годы и всего лишь 37 % заявили, что этой связи не ощущали⁵. Более того, у 75 % респондентов «духовная связь с семьёй» сохранялась и в студенческие годы и лишь у 24,5 % опрошенных она заглохла⁶. Следовательно, можно говорить не об ослаблении, как считал Изгоев, а об укреплении родственной близости, естественно, обострявшейся в разлуке с отчим домом в далеких от него центрах высшего образования.

В свете этого факта не столь убийственными, как казалось автору статьи, представляются и данные опроса о влиянии семьи «на выработку этических идеалов, эстетических вкусов, товарищества»: 44 % «за» и 56 % «нет»⁷. На деле всё было не столь просто. В начале XX в. поколенческие отношения стали весьма зыбкими под давлением объективных тенденций к распаду традиционных внутрисословных связей, при этом они деформировались юношеским максимализмом, усиливаемым корпоративным влиянием товарищей по учёбе. Конечно, влияние интеллигентной дворянско-чиновничьей среды с её вековыми семейно-педагогическими культурными традициями могло бы ослабить действие этих тенденций. Однако родители из этой социальной среды жили с тревожным предощущением растущего духовного разобщения со своими детьми. Юный Викентий Смидович (Вересаев), отправляясь в 1884 г. учиться в далёкий Петербургский университет, знал, «о чём так горячо молилась мама, отчего так волновался папа: как бы я в Петербурге не подпал под влияние нигилистов-революционеров и не испортил будущего»⁸.

Похожий строй духовных отношений родителей с детьми постепенно складывался и в буржуазных семьях «новорусского» типа. Из такой семьи, например, происходил будущий академик, студент Московского университета Николай Дружинин. В своём дневнике в марте 1907 г. он так писал о своей семье: «Внешнее “благородство” и некоторый налёт интеллигентности сближал нас с средними дворянскими семьями 60–70-х годов»⁹. Между тем в среде студенчества всё более широким становилось представительство выходцев из сословных низов, воспитанных в семьях с культурным кругозором Бессеменовых из горьковских «Мещан». Здесь «непонимание» отцов и детей нередко оборачивалось острыми внутрисемейными конфликтами. Но это не охлаждало стремления родителей дать де-

³ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 186.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Половая перепись московского студенчества и её общественное значение. М., 1909. С. 34.

⁶ Там же. С. 34–35.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Вересаев В. Воспоминания. М., 1982. С. 227.

⁹ Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 263.

тям высшее образование и повысить тем самым сословный статус естественных продолжателей рода.

В начале XX в. родительская воля уже далеко не всегда оказывала определяющее давление на «сознательный выбор» детьми типа высшего образования. Отсюда и такие неблагоприятные, по мнению А.С. Изгоева, результаты ответов респондентов: на вопрос о влиянии семьи на «выбор факультета» 84 % студентов дали отрицательный ответ¹⁰. Однако, нельзя забывать, что при этом действовали и известного рода сословные традиции: отпрыски дворян-чиновников тяготели к университетскому образованию; выходцы из купцов, мещан, цеховых, крестьян, чьи родители задались целью дать своим отпрыскам высшее образование, обычно оканчивали реальные училища, не дающие права на университетское образование, и поступали в народнохозяйственные институты. В этом как раз и проявлялось косвенное влияние семьи, часто не сознаваемое студентами. Правда, процесс разложения сословного строя деформировал и эти социальные своеобразия.

Конечно, теперь дети куда чаще самостоятельно творили пути своего профессионального будущего, разрывая пути патриархальных семейных отношений, вопреки запоздалым мечтаниям А.С. Изгоева об их консервации. Как бы то ни было, данные социологических опросов нельзя воспринимать буквально, в отрыве от социальной динамики. Тем более не стоит подстраивать под схемы, продиктованные предвзятыми эмоциями.

Пафос статьи Изгоева состоял в том, чтобы убедить читателя в якобы непреложной истинности вывода: «Средний массовый интеллигент в России большей частью не любит своего дела и не знает его. Он – плохой инженер, плохой журналист, непрактичный техник и проч. и проч. Его профессия представляет для него нечто случайное, побочное, не заслуживающее уважения»¹¹. Эта, по определению Изгоева, «антикультурная» данность имела следствием разрушительное «революционное верхоглядство» молодой дипломированной интеллигенции и её неспособность к реформаторской деятельности, столь актуальной после октября 1905 г. «В наших государственных думах, – утверждал он, – огромное большинство депутатов, за исключением трёх-четырёх десятков кадетов и октябристов, не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России»¹². Первопричину такой «профнепригодности» интеллигенции к государственному созиданию он усматривал не в предопределённом верховной властью бессилии Государственной думы как высшего органа управления империей, а в «жалком образовании», которое «получают наши интеллигенты в сред-

¹⁰ Половая перепись московского студенчества... С. 35.

¹¹ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 207.

В 1912 г. в Петербурге состоялась общестуденческая перепись на тему «душевного состояния» учащихся. Среди множества вопросов её опросного листа был вопрос и об отношении респондентов к своей будущей профессиональной деятельности. Из 2118 респондентов на него ответили 1674 чел., или 79 %. Только 304 чел. (18 %) безусловно отрицательно отнеслись к своим профессиональным перспективам. Ответы прочих распределились следующим образом: 51,4 % (952 чел.) с будущей профессией связывали позитивные ожидания (общественные и частные); 11,4 % (190 чел.) еще не определились в своем отношении; 15,4 % (258 чел.) относились к своему профессиональному будущему индифферентно. Как видим, картина куда более многоцветная, а следовательно, и объективная, нежели одноцветная, представленная А.С. Изгоевым. См.: Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодёжи. По данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб., 1913. С. 62.

¹² Изгоев А.С. Указ. соч. С. 207.

них и высших школах». И главную вину за это автор статьи возложил на самих учащихся – основной резерв роста интеллигентных рядов. Русское студенчество, утверждал А.С. Изгоев, по сравнению с европейским «мало и плохо учится... что сплошь и рядом объясняется слабой культурой ума и воли...»¹³. Не утруждаясь доказательными аргументами, он фактически повторял либо досужее мнение о безнадёжной нерадивости русских студентов, циркулировавшее в далеких от академической сферы общественных кругах, либо злонамеренные инвективы в адрес общественно беспокойной интеллигентной молодёжи, доносившиеся из лагеря национал-консерваторов.

Разумеется, действительность была куда более неоднозначной. По свидетельству профессора Московского университета П.Г. Виноградова (1901 г.), несостоятельность подобных мнений была очевидной, к примеру, даже министру народного просвещения И.Д. Делянову. Ещё в 1875 г., выступая в Комиссии по подготовке нового устава университетов (1884 г.), призванного устрожить учебную дисциплину, он назвал «значительно преувеличенными» бытовавшие в обществе утверждения, что «большинство студентов на лекции не ходит, наукой не интересуется, а готовится кое-как по жалким литографированным запискам к экзаменам, рассчитывая на снисходительность профессоров и удачу в лотерее избрания билетов». Министр был уверен, что такие суждения «не применимы к медицинскому и математическому факультетам, на которых студенты работают систематически и усердно, и особенно применимы лишь к юридическому факультету». П.Г. Виноградов рекомендовал это замечание Делянова «особенно держать в памяти в настоящее время, когда сплошь и рядом порицания, относящиеся к студентам юридического факультета, применяются ко всему университету»¹⁴. Анализ реалий студенческой жизни вполне подтверждает мнение столь заметных на академическом небосводе фигур. В «спокойные» времена студенты, конечно же, учились куда более усердно, включая даже будущих правоведов¹⁵ и тем более не упомянутых И.Д. Деляновым и П.Г. Виноградовым самых многочисленных историков и филологов¹⁶. Правда, те и другие учились с разной степенью прилежания и рвения: одни – ради получения достойной специальности и диплома о высшем образовании с вытекающими отсюда гражданскими и социальными преимуществами, другие (их было меньшинство) – с искренним стремлением достичь высот науки. Но все они, за исключением «студенческого шлака» (определение академика В.М. Александрова), обладали уважением к мастерству своих преподавателей, естественно не всех. Иначе откуда было бы взяться переполненным восторженными слушателями аудиториям на лекциях любимых профессоров? Мы не говорим уже о тех лекциях и семинарах даже непопулярных педагогов, которые студент должен был посещать обязательно, чтобы сдать положенные экзамены и зачёты. А чем объяснить изобилие научных кружков и обществ, добровольно, во внеучебные часы, посещаемых множеством студентов? Это к вопросу о якобы «презрении» студенчества к «буржуазной науке», по утверждению А.С. Изгоева.

А как быть с данными о широчайшем репертуаре книг и периодических изданий, входивших в круг студенческого чтения? Ответ на эти вопросы в существен-

¹³ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 194.

¹⁴ Виноградов П.Г. Россия на перепутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 119.

¹⁵ Бена А. Мои воспоминания. М., 1990. С. 628–638.

¹⁶ Блонский П.П. Мои воспоминания. М., 1971. С. 53.

ной степени освещает проблему реального качества специалистов с высшим образованием в России.

Укажем в связи с вышеизложенным на очевидную предвзятость утверждения А.С. Изгоева о том, что «критерием» оценки профессоров студентами были не научные их заслуги и лекторское мастерство, а «политические симпатии»¹⁷. Оно попросту бросало тень политиканства на уважаемых и популярных в студенческой среде педагогов. Вместе с тем очевидной была часто демонстративная неприязнь студенчества к отъявленным монархистам-черносотенцам на преподавательской кафедре, солидарная, кстати, с отношением к ним либерального большинства профессорского корпуса. В любом случае студенты оценивали профессоров не по их политическим ориентациям.

Обращает на себя внимание и тот факт, что А.С. Изгоев совершенно неправомерно переадресовал «вину» студенчества 1899–1907 гг. за долговременные приостановки занятий на их преемников постреволюционной генерации. На деле последние, не отрекаясь от антисамодержавных убеждений, все явственнее проявляли волю к учению, осознавая свою профессиональную и патриотическую миссию в гражданской, социально-экономической и культурной модернизации страны. «Лозунги борьбы во имя политических стремлений постепенно заменяются лозунгами спокойствия во имя академической, научной работы и рационального удовлетворения профессиональных нужд («демократический профессионализм»). Это течение вылилось из рядов прогрессивного студенчества»,¹⁸ – свидетельствовал студенческий журнал. Именно эта категория студентов не дала разрастись до всероссийского масштаба затеянной коллегами-«политиками» в феврале 1908 г. политической забастовке. Между тем Изгоев предвзято писал об этой забастовке как о вполне состоявшейся¹⁹.

Изгоев необъективно оценивал и другие стороны жизни студенчества. Так, неприглядность социокультурного портрета учащейся молодёжи он гипертрофировал с помощью обвинений в «нравственном разгильдяйстве», выражаемом в «попойках», якобы завершавшихся «большой частью визитацией публичных домов»²⁰. Нет слов, проблемы такого рода действительно существовали и они весьма беспокоили интеллигентную общественность. Но, похоже, «попойки русских передовых студентов» волновали Изгоева не с точки зрения общественной морали и социальной гигиены, т. е. ущерба, наносимого здоровью молодёжи неумеренным употреблением спиртного, а с позиций политика, занятого тотальной дискредитацией своего противника. Для него была неприемлема в первую очередь подоплёка коллективного винопития, представлявшегося ему «смесью разврата и пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом». Нормальное застолье, по его мнению, должно быть совсем другим. Альтернативу русскому студенческому пьянству автор усматривал в попойках немецких буршей-корпорантов, пусть также несимпатичных своими непотребствами, но не облекаемых в «яркие одежды мировой скорби» и лишённых пафосного «протеста против современного строя»²¹. Пить надо без душевного надрыва! «У нас же, – саркастически замечал А.С. Изгоев, – и в кабаках, и в местах похуже передовые студенты с

¹⁷ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 199.

¹⁸ Молодая Россия. М., 1913. № 5. С. 13.

¹⁹ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 201.

²⁰ Там же. С. 195.

²¹ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 195.

особой любовью поют “Дубинушку” и “Укажи мне такую обитель”²². Словом, пейте, господа студенты, но без политики!

Сопоставление вакхического поведения антиправительственно настроенных российских студентов в пользу попок абсолютно проправительственно ориентированных членов немецких консервативных корпораций представляется более чем некорректным. Более того, можно говорить о преднамеренной манипуляции известными и достаточно традиционными явлениями студенческой субкультуры. Конечно, здесь сказывались не только политические пристрастия Изгоева, но и «антиинтеллигентские» эмоции известной части российского общества.

Абсолютно бездоказательным представляется и утверждение Изгоева о чуть ли не обязательной «визитации публичных домов» в качестве финала каждой студенческой попойки. Похоже, это заявление было сделано под впечатлением вышедшего в 1909 г. романа А.И. Куприна «Яма». И уж вовсе нелепым выглядит выставление немецких буршей-корпорантов в назидание распущенным русским студентам в качестве чуть ли не эталона полового целомудрия (в смысле непосещения домов терпимости). Спрашивается, откуда в таком случае широко известная распространенность среди немецкого студенчества венерических заболеваний? Этим, между прочим, они ничуть не отличались от российских студентов.

Столь же поверхностно и мелочно суждение А.С. Изгоева о том, что в силу вышеназванных пороков русские студенты не способны были иметь здоровое потомство, сравнимое с «крепким, могучим человеческим экземпляром», производимым на свет «мускулистыми» воспитанниками элитных английских университетов²³. Самоуничижительный характер и надуманность этого утверждения становятся очевидными при ознакомлении с иконографией российской интеллигенции, особенно с семейными портретами. Признаков физического и духовного оскудения, не говоря уже о вырождении, на них ничуть не обнаруживается.

«Вехи» появились во время, чреватое самыми крупными в постреволюционную эпоху студенческими беспорядками (1910–1911 гг.), спровоцированными репрессивной бесшабашностью полицейско-охранительного академического курса правительства П.А. Столыпина. Поэтому и реакция на статью А.С. Изгоева вновь взбунтовавшегося демократического студенчества была повышено нервной, обернувшейся для него «шквалом гнева»²⁴. Правда, произошло это после некоторой заминки: потребовалось время на знакомство с текстом.

Зато весьма комплиментарные отклики автор снискал, сам того не желая, в стане благонамеренно настроенного к власти студенческого меньшинства, презентовавшего себя аполитичными «академистами» – защитниками официальной науки и устоявшихся методов её преподавания. «Вехи» – «удар, последовавший не в бровь, а в глаз со стороны тех, от которых этого можно было ожидать менее всего»,²⁵ – злорадствовал автор печатного органа академистов «Вестник студенческой жизни», выходявшего под девизом *Vivat Acadmia!* Два номера журнала с похвалами в адрес статьи Изгоева были присланы в кадетскую «Речь» для ознакомления, возможно с надеждой на ответный созвучный по духу отклик. Однако надежда оказалась тщетной. Ознакомившись с содержанием публицистической по-

²² Изгоев А.С. Указ. соч. С. 195.

²³ Там же. С. 194.

²⁴ Голос политехника. СПб., 1911. № 6. С. 6.

²⁵ Вестник студенческой жизни. СПб., 1910. Вып. 1 (4). С. 15.

хвалы «академистов», А.С. Изгоев осознал, что оказался в весьма двусмысленном с политической и этической точек зрения положении. Теперь ему пришлось спасти своего лица как непредвзятого автора и уважаемого политика. Именно самооправданию была посвящена его статья «Студенты-академисты», опубликованная в кадетской газете «Речь» от 24 октября 1910 г. (№ 292). Автор разъяснил читателю, что альтернативой учебно-дисциплинарной анархизации высшей школы «левым» студенчеством он действительно считает образование учащихся «чисто академических организаций, которые ставили бы своей целью защиту академической науки», и, следовательно, и должного учебного порядка. «К сожалению, – констатировал он, – выступающий теперь академический союз вовсе не является академической организацией. Это чисто политическая организация, ведущая политику дурного тона, и присланные два номера “Вестника” на каждого беспристрастного человека могут произвести очень тяжёлое впечатление. Они сплошь переполнены политикой, и притом политикой пуришкевического трактирного характера, грязной и отвратительной... Студентами-академистами усвоены не только жаргон, но и все полемические приёмы Союза русского народа».

В общем Изгоеву пришлось косвенно признать, что в своей ставшей печально знаменитой статье он неправоммерно сблизил известного рода девиантные явления молодёжной среды с молодёжным революционаризмом.

В ответ на столь брезгливую отповедь последовали статьи в академическом «Вестнике»²⁶, авторы которых с вдохновенным презрением отозвались об «изгоевской душе», об «азефовских приемах критики» только что перевозносимого ими автора. Однако кое в чём они оказались правы: А.С. Изгоев имел недостаточное представление об объекте критики в лице студенчества в целом, а правду об академистах он узнал лишь после опубликования в «Вехах» своей собственной статьи. Как результат, автор оказался между «молотом» гнева демократического большинства и «наковальней» своих невольных «единомысленников» в лице черносотенного меньшинства российского студенчества.

Несомненно, Изгоев оказался крайне тенденциозен в оценке облика предреволюционного российского студенчества. На его подход повлияло излишне эмоциональное и политически тенденциозное восприятие некоторых статистических источников, относящихся к уже пройденному этапу в жизни учащейся молодёжи.

Литература:

- Виноградов П.Г. Россия на перепутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008.
- Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990.
- Иванов А.Е. Демократическое студенчество в революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. № 107. М., 1982.
- Изгоев А.С. Об интеллигентной молодёжи (заметки об её быте и настроениях) // Вехи. Интеллигенция в России. 1909–1910. М., 1991.

²⁶ Лавровский В. Критика наших критиков; *Иностранцев. Студент*. Гробы поваленные. Ответ на статью Изгоева в «Речи» № 292 // Вестник студенческой жизни. СПб., 1910. С Вып. 3. С. 8, 12.

- Иностранцев. Студент. Гробы поваленные. Ответ на статью Изгоева в «Речи» № 292 // Вестник студенческой жизни. СПб., 1910. Вып. 3.*
- Лавровский В. Критика наших критиков // Вестник студенческой жизни. СПб., 1910. Вып. 3.*
- Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи. По данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб., 1913.*

A.E. Ivanov

WAS IZGOEV RIGHT? TO THE POLITICAL AND SOCIOCULTURAL TEMPER OF RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY STUDENTS

Summary

Author argues that famous collection of article «Vekhi» represented false political portrait of the Russian students. It was connected with great emotional shock from the non-positive aftermath of the Russian revolution 1905–1907, imprinted consciousness of well known liberal publicist A.S. Izgoev, and his non-correct interpretation of proper sociological data. The article shows that Russian students was more complex in their sociocultural appearance and political cast of temper.

Keywords: students, intelligentsia, democracy, radicalism, revolution, conservatism, youth subculture, collection of article «Vekhi».
